

**Ассоциация Антиподы
Фестиваль Иной Глобус**

**Крымский геопоэтический клуб
Кафедра политософии и философских наук
Международного Университета в Москве**

**поэтическая интернет-конференция
Из Москвы с любовью
From Moscow with love**

В рамках программы Всемирного Дня Поэзии ЮНЕСКО

2011

НИКОЛАЙ ЗВЯГИНЦЕВ

* * *

Под моим окном разгружают лодки.
Там, на одной из последних станций,
Морская дама, сама себе плотник,
Смотрит на тех, кто решил остаться.

Ей от стенки морской таможни
Падать, плавать и просыпаться
В любую сторону, куда можно
Указать деревянным пальцем,

Где в мякоти каждого Вавилона
Ждёт весёлая косточка вишни.
Спой об этом, грубая флора,
Скажи, что ты меня не боишься.

Дай почувствовать через перчатку,
Что ты чувствуешь через пустыню.

Когда придумаете возвращаться,
Солнце будет всегда в затылок.

NIKOLAY ZVYAGINTSEV

* * *

They're unloading boats outside my window.
There, at the stop of a final kind,
A maritime lady, herself a carpenter,
Is looking at those who had stayed behind.

Off the maritime customs office wall
She's to fall, swim around, wake up
Every way that a wooden finger
Can for sure be pointed at,

Where a cherry pip is awaiting
within every Babylon's flesh.
Sing about it, brutal flora,
Tell me that you're not afraid.

Let me get a feel, through the glove skin,
Of things you're feeling beyond desert lands.

When you conjure up thoughts of returning,
The sun will always be at your back.

Translated by E. Ostrovskaya

* * *

Вот рисует судебный художник
В небе свободное молоко.
Как засыпающий зимний дождик,
Оно может хрустнуть под каблуком.

Вот в небе свободное молоко
Вокруг отпечатка одной из лун.
Оно может хрустнуть под каблуком,
Как мирное время на мокром полу.

Вот улицы выгоревший обломок
Земле оставленной вопреки.
Его судебные рыболовы
Тянут с обеих сторон реки,

Чтобы действительно не уплыл
В свою средиземную пустоту
Из стронциановой и белил
С золотой монеткой во рту.

* * *

Ты меня первая насмешила.
Теперь я знаю бездымный порох,
Что бывают на свете машины,
Улетающие от шоферов.

Не начинай без меня охоту.
Когда глядишь на своих случайных,
Вещи выходят из обихода,
Дразнят нервные окончанья.

Это сна твоего разводного
Трава зеленая и голубая,
Лучший в мире сироп вишневый
Дружит с пальцами и губами.

* * *

Here's what the court artist is drawing:
Milk spilled freely up in the sky
Like a sleepy drizzle in winter —
Under the footsteps crackling and dry

Here's the milk freed up in the sky
Round a footprint of one of the moons
Like the times of peace on wet floor tiles
It can crackle under a boot.

Here's the shard of a burned out street
Left to the earth not because, despite.
The court fishermen are dragging it
From the river's opposing sides,

So it wouldn't just swim away
Into its middle-earth nothingness
Made of pretty yellow and white
With a golden coin in its mouth.

* * *

You were the first to make me laugh
Now I know the smokeless powder
That there are indeed some cars
That can fly away from their drivers

Don't start the hunt without me.
When you look at your random ones,
Things are falling out of use,
Giving nerve endings a tease.

These are the grasses, blue and green,
Of your opening gateway dreams,
The very best in the world cherry syrup
Goes well with fingers and lips.

Translated by E. Ostrovskaya

Перед Америкой

Они идут человеческим лесом,
Похожим на непроявленный город,
Где никто не курит после эспрессо,
Поскольку нет ни того, ни другого.

Пицца, где твой дружок томат?
Только желание, имя трамвая.
Там будет стоять и держать карман
Губастая музыка духовая.

Это случилось до открытия сигарет,
Поиска правды в картофельных винах,
До плавания на железном ведре
В землю из двух смешных половинок.

Много позже семейные рецепты
Проткнут им жизнь, как подушку игла,
Заполнят улицу, дом и церковь,
Будут глядеть из каждого угла,

Как будто в конце земного коридора
Врезали форточку в пыльное окно.
Об этом не станцует Святая Феодора,
Не напишут белка и колонок.

Целая страна из табака и помидоров,
Сладкая, как трофейное кино.

Before America

They are walking through the human forest
That's like a city under-photo-developed,
Where nobody smokes after espresso,
Since there's neither the former nor the latter.

Pizza, where's your buddy tomato?
Only the name of a tram, desire.
The wind music with a full-lipped mouth
Is standing there, taking no chances.

This had happened before the cigars,
Or the search for truth in potato wines,
Before the voyage in a tin bucket
into the land made of two funny halves.

Much later on, the family recipes
Would pierce their lives like sawing needles,
Fill up the street, houses, and churches,
Stare from every corner needily,

As if, at the end of the life's tunnel,
A ventlight had opened in a dusty window
It won't be danced about by St. Fedora
Or written about with a grey squirrel.

The whole country of tobacco and tomatoes,
Sweet like trophy movie classics.

Translated by E. Ostrovskaya

С Бергена на полюс

Про девушку с луковыми глазами,
Сухими обветренными губами,
С той стороны земли на вокзале
Напишешь, сидя на барабане:

«Татьяна Ларина, 22 года.
Может стать причиной пожара.
Есть инструкция по уходу,
Начинается: Я обожаю

Эти ленточки бывшей дружбы
На середине пустого класса
Весны уже совсем безоружной,
Уже безбашенной, одноглазой

На границе моря и грядок
В доме бывшего новоселья».

Это одна широта с Петроградом
Или одна долгота с Марселем.

From Bergen to the pole

Sitting on a drum at a train station
on the other side of the earth,
You will write about the girl with
chapped lips and tear drop eyes:

«Tatiana Larina, 22 years old.
Can readily cause a fire.
Comes with a care manual that
Begins like this: I admire

These ribbons of former friendship
In the middle of the empty classroom
Of the spring, absolutely unarmed
Altogether crazy and one-eyed.

Between the sea and veggie patches,
At a home of the past housewarming».

It's the same latitude as St. Petersburg
Or the same longitude as Marceille.

Translated by E. Ostrovskaya

ВИКТОР КОВАЛЬ

Пейзаж с Полифемом

Над нами ель некорабельная качается,
Поскрипывает, с высшим сообщается,
И всяк под ней о том и говорит,
Что дело дрянь, и к черту не горит,
Костер, который я шалашиком устроил,
Да не таким, как надо,
И при этом
Не так свернул бумажку с берестою,
Да и не ту. Не с тем, видать, портретом,
Насквозь промокнувшим малиной
В газете «Труд» неопалимой.

Раздувши угли, мы встаем с колен,
Разламываем ветки о колена,
И все кричим: «Где Полифем?!»
И все молчим — нет Полифема

В свете облаков

Считается, что облака — воздушная стихия.
Хотя они — водная.

Как и радуга.

Как и человек — на 75 процентов.

Мысль: — Что есть наибольшая иллюзия:

радуга

или облако, похожее на Черчилля?

Курящего сигару?

Мысль: — Облако, похожее на Бога.

То есть просто облако, ни на кого не похожее.

Таких большинство

VIKTOR KOVAL

Landscape with Polyphemus

A not-for-mast fir tree waves over us,
It squeaks, communicates with the higher things
And everyone under it says just that
It is rotten, and the damn campfire doesn't
Burn; I built it as a tepee of sticks
But not a proper one,
Moreover
I messed up with the birch bark and a piece of paper,
The wrong kind of paper. With a portrait that, it seems,
Was wrong and soggy with raspberry
In the newspaper «Trud-Work» which cannot be singed.
Having blown at the coals we rise from the knees,
We brake branches over our knees,
And shout all together: «Where is Polyphemus?»
And keep silence all together — there is no Polyphemus.

By the lights of clouds

They say that clouds are an aerial element.
Though they are an aqueous one.
As well as rainbow.
As well as a man — for 75 percent.
A thought: — Which is the greater illusion:
a rainbow
or a cloud which looks like Churchill?
Smoking a cigar?
A thought: — The cloud which looks like God.
That is, simply a cloud not looking like anyone.
They are the majority.

Translated by T. Bonch-Osmolovskaya

Китовый ус

Всю жизнь валялся, пылился —
отпиленный кусок
дугобразной лопасти с бахромой.

Роговая ткань.
Гравировке не поддается,
крошится, захламляет балкон.

Во время остекления ус был
выкинут.

И — навсегда забыт,
если б не вдруг возникший вопрос:
— А откуда он взялся?

Недавно увидел по телевидению передачу про Антарктиду.

Был поражен догадкой:
— Из Одессы! Где я бывал в детстве.
И где базировалась китобойная флотилия «Слава» —
говорят, доставшаяся нам
по репарации после разгрома Германии.

Непростая история. Причудливая география.
Безжалостное остекление

Whalebone

All through my life, it hung around in the dust,
a piece sewn off
an arched blade with a fringe.

Corneous tissue.
Resisting to engraving, it crumbles,
littering the balcony.

When the balcony was glazed, the whalebone was thrown
away.

And — has been forgotten forever,
if not for the question:
— How did it get here in the first place?

Not long ago I saw a telecast about Antarctica.

And I was stricken by a guess:
— It came from Odessa! I visited it in childhood.
The «Fame-Slava» whaling flotilla was based there.
They said, it became ours
by ways of reparations after the victory over Germany.

A complicated history. Fanciful geography.
Merciless glazing.

Translated by T. Bonch-Osmolovskaya

Несколько набросков

Как-то, засыпая, стал вспоминать,
как ноги у коня сгибаются.
Задние — так же, как передние?
Мысленно нарисовал, расхохотался. Нет!
Сделал еще несколько набросков
и пришел к такому выводу:

передние конечности у коня
сгибаются так же, как ноги у человека в коленях,
а задние конечности у коня
сгибаются так же, как руки у человека в локтях!

Мысль:

— Скажешь: — Всё не как у людей! —
и ошибешься.

Скажешь: — Всё как у людей! —
людей насмешишь

Куплю волосы дороже всех

Читаю объявление на стене нашего дома:
«Куплю волосы дороже всех»
и чувствую в этих словах некую
недосказанность.
Какую?

Наверное, слова «Куплю волосы»
адресуются широкой публике,
но затем их интонация резко меняется
на проникновенно личную:
«Дороже всех... для меня — только ты!»

Именно так и звучат слова бессмертной души,
обращенные к каждому,
кто желает в повседневности
расслышать её голос

Some sketches

One day, falling asleep, I started to recall
which way do horse's legs bend.
Hind legs the same way as forelegs?
I drew them in my mind and burst out laughing. No way!
I made more sketches
and came to the conclusion:

forelegs of a horse
bend the same way as man's legs in knees
while hind legs of a horse
bend the same way as man's arms in elbows!

A thought:

— You would say: — Nothing is the way it's supposed to be!
— and will be wrong.

You would say: — Everything is the way it's supposed to be! —
and will make a fool of yourself.

Will buy hair at the highest price

I read an ad on the wall of our building
«Will buy hair at the highest price»
and feel some incompleteness
in these words.
But what?

Perhaps, the words «Will buy hair»
are addressed to a broad audience,
but then the intonation changes abruptly
to the heartfelt private:
'The highest price... dearest... for me — only you!'

This is exactly how the words of an immortal soul sound
addressed to everyone,
who wishes to listen to its voice
in everyday life

Translated by T. Bonch-Osmolovskaya

Зарядка

Есть такая йоговская практика:
сразу после пробуждения
не вскакивать спешно с кровати,
но, лежа (ноги вытянуты, руки по швам),
повернуть голову в сторону до упора и там —
зафиксировать взгляд,
а затем — в другую сторону до упора и там —
зафиксировать взгляд.
Это — в горизонтальной плоскости.
Потом так же — в вертикальной:
головой вверх и вниз, фиксируя взгляд.
Получается — Роза ветров:
с Востока на Запад — от Кронштадта до Владивостока.
И по вертикали: от северных морей до южных гор.
Много раз.

Вот так ежеутренне
я утверждаю себя в пространстве —
с помощью восстановленных координат,
утраченных во сне.

Похоже на крестное знамение,
но — одной головой

Morning exercises

There is a yoga practice:
to not leap up out of a bed
right after waking up
but lying still (legs stretched out, arms by sides)
turn your head to one side as far as it'd go and there —
fix your eyes,
then turn to the other side and there —
fix you eyes.

This should be done horizontally.

Following by the same vertically:

Turn your head up and down fixing the eyes.

You will get a wind rose:

From East to West — from Kronstadt to Vladivostok.

And vertically: from the North seas to the South mounts.

Many times.

That is how every morning

I assert myself in space —

with a help of the re-established coordinates

lost in dreaming.

It is similar to a sign of the cross

but done with head only.

Translated by T. Bonch-Osmolovskaya

Тапочки

Купил в Москве пляжные тапочки,
чтобы не тратиться в Турции,
и не торговаться с турками.

Долго выбирал:

Кожаные, резиновые, пластиковые, дорогие, дешевые,
открытые и закрытые — с одним большим пальцем.

Выбрал.

(На тапочках впоследствии обнаружил некую
трудно читаемую надпись).

Приехал в Турцию. Спросил:

— Где тут, в конце-то концов, настоящий турецкий базар?

С настоящим турецким кофе?

Без гостиничной туфты!

Отвечают:

— Надо ехать на автобусе в какое-то Конаклы.

Поехал в Конаклы (в тапочках, разумеется).

Не буду долго интриговать:

на тапочках так и было написано: «Конаклы».

Мысль: — Тапочки ли продиктовали мне
путь в Конаклы

или Конаклы указали, какие надо купить тапочки?

Sandals

I have bought beach sandals in Moscow
so that I would not overspend in Turkey,
nor bargain with the Turks.

I have been choosing for a long time:
Leather, rubber, plastic, expensive, cheap,
Open and closed — for one big toe.
I chose.

(Later I discovered a hardly visible
inscription on my sandals).

I came to Turkey. Asked them:
— Where is, after all, the real Turkish market?
With the real Turkish coffee?
Without the hotel crap?

They reply:

— You should take a bus to some Konakly.
I went to Konakly (in my sandals, of course).
I will not keep you in suspense for long:

This was exactly what was written on my sandals: «Konakly».

A thought: — Were that the sandals that dictated
my way to Konakly

Or was it Konakly pointed to the sandals I should buy?

Translated by T. Bonch-Osmolovskaya

Пейзаж за окном

У нас, на Декабристов,
напротив «Байконура»
стоят «Золотой Вавилон»
и «Карусель».

Зимой у кафетерия в «Карусели»
очередь в шапках и шубах
при подходе к кассе
начинает отчаянно отмахиваться —
комары!

Именно — у кассы.

Отойдешь чуть в сторону от кассы —
никаких комаров.

Почему?

Мысль:

— Ура! Деньги как первопричина на этот раз отпадают!

Ну, это мысль — романтика,
а реалист скажет: — Бардак в «Карусели»!

Интересно, что они скажут просто — на:
“зимой у кафетерия в супермаркете «Карусель»
на Декабристов” — без комаров?

Оба в один голос:

— А помните, тут комары
когда-то летали?

Landscape over the window

On Dekabristov street, where we live,
across «Baykonur»
there is «Gold Babylon»
and «Karusel-Merry-go-round».

In winter, by a café in «Karusel»
A queue in fur hats and coats
approaching a counter
begins to flap their arms desperately —
mosquitos!

Exactly by the counter.

If you step a bit away from the counter —
no more mosquitos.

Why is it so?

A thought:

— Hurray! Money is not the initial cause, not in this case!

Well, this thought is romantic,
whereas a realist would say: — «Karusel» is a mess!

I wonder, what would they say to this:

“by a café in the «Karusel» supermarket
on Dekabristov street in winter” — without the mosquitos?

Both in unison:

— And do you remember, the times when mosquitos were all
over this place?

Translated by T. Bonch-Osmolovskaya

ИГОРЬ ЛЕВШИН

4 ноября 2008

Багрец и Золото
в черных полиэтиленовых мешках
ждут у края тротуара
— Стемнело, кажется, — говорит Багрец.
— Ноябрь. Дни короткие, — соглашается Золото.

Этим летом рухнула виртуальная экономика.
Сабпрайм моргидч, упав,
Завалил все ажурное здание,
возводившееся десятилетиями.
Суконное рыло реальности
просунулось в калашный ряд: «Я знало! Я знало!»

Едва ли.

Сегодня, между прочим, праздник.
Веселится и ликует
одинокий пенсионер,
он пропустил с утра соточку потом еще и еще.
Муть ноябрьского неба (первые числа)
непроницаема.
Равнодушная природа
(грязноватые фасады офисных зданий)
внемлет потаённой беседе:
— Как-то так всё быстро, — сокрушается Багрец.
— Да, — соглашается Золото.

IGOR LEVSHIN

November 4, 2008

Ancient Purple and Gold
in black plastic bags
are waiting by the footpath side
— Seems, it has got dark, — says Ancient purple.
— November. Days are short, — agrees Gold.

The virtual economy crashed down this summer.
Subprime mortgage in its fall
Ruined all the ornamental tower
built by decades.
A stiff pig head of reality got into
a bun shop: «I knew! I knew»

Hard to believe.

By the way, today is a holiday.
A lonely retiree
makes merry and rejoices,
starting in the morning he took 100 g, than again, and again,
Darkness of the November sky (first days of November)
is impenetrable.
Indifferent nature
(muddy facades of office buildings)
listens to the secret talk:
— How quick it was! — grieves Ancient Purple.
— Right, — agrees Gold.

Translated by T. Bonch-Osmolovskaya

* * *

на могиле Батхеда
жухлые венки
краска смыта дождем
дождичек моросит сквозь листву
кривоватые березки
молодые голоса смех
сегодня Пасха
Бивис принес живые цветы
достает из кармана чекушку
отпивает из горла
трясет седой головой
наливает стопочку
ставит на могильную плиту
кладет iPod рядом

подметает веничком
у оградки
брызгает водопроводной водой
из бутылки пепси

Батхед кстати не умирал
считай и не жил
как и Бивис.

on the Butt-head's grave
dried wreaths
the paint is washed away by the rain
the rain is drizzling through the leaves
crooked birch trees
young voices laugh
today is Easter
Beavis brought live flowers
he gets a small vodka bottle from the pocket
drinks straight from it
shakes his grey head
pours some to the cup
puts it on the gravestone
places iPod next to it

sweeps with a broom
around the fencelet
sprinkles with tap water
from a Pepsi bottle

by the way, Butt-head did not die
he even had not lived
as well as Beavis.

Translated by T. Bonch-Osmolovskaya

Сны Йозефа Бойса, фашистского лётчика, сбитого над Крымом зимой 43-го

Тра-та-та. Тра-та-та.

Ву-у-у. Ву-у-у.

Тра-та-та. Тра-та-та.

Ву-у-у. Ву-у-у.

[...]

(Это не всё)

Тра-та-та. Тра-та-та.

Ву-у-у. Ву-у-у.

Тра-та-та. Тра-та-та.

Ву-у-у. Ву-у-у.

Снег идет. Снег идет.

Ву-у-у. Ву-у-у.

Тра-та-та, все как в тумане.

Ву-у-у. Ву-у-у.

Снег идет. Снег идет.

Тра-та-та и все в тумане.

В алом тра-та-та тумане.

[...]

(Это не всё)

Ангел и шерсть

Падает снег. Я чувствую, я умираю.

Ангел и шерсть. Тихо падает снег.

Снег идет. Я один в полутемном сарае.

Мария и сало.

Ох, этот алый туман...

Dreams of Joseph Beuys, the Nazi pilot shot down over Crimea in winter 1943

Rat-tat-tat. Rat-tat-tat.

Wo-o-o. Wo-o-o.

Rat-tat-tat. Rat-tat-tat.

Wo-o-o. Wo-o-o.

[...]

(This is not all yet)

Rat-tat-tat. Rat-tat-tat.

Wo-o-o. Wo-o-o.

Rat-tat-tat. Rat-tat-tat.

Wo-o-o. Wo-o-o.

It snows. It snows.

Wo-o-o. Wo-o-o.

Rat-tat-tat, everything is like in a mist.

Wo-o-o. Wo-o-o.

It snows. It snows.

Rat-tat-tat and everything is in a mist.

In a scarlet rat-tat-tat mist.

[...]

(This is not all yet)

Angel and wool.

It is snowing. I feel I am dying.

Angel and wool. It is quietly snowing.

It snows. I am alone in a dark hayloft.

Maria and animal fat.

Oh, this scarlet mist...

Этот туман.
Это пьяное паданье с неба.
Ангел и шерсть.
И, сжимая стоп-кран,
вижу: пять или шесть
подо мною домишек татарских.
Тра-та-та тра-та-та.

Ничего.
Алый туман.

Войлок и жир.
Ангел и шерсть.
Мария и сало.

Я — горящая ветошь
Но это не всё —
так думает Бойс,
падая в Крым

* * *

Я инвестирую в печаль,
он сублимирует тревогу,
она смеется и говорит:
ей-Богу,
вас жаль.

This mist.
This drunken falling from the sky.
Angel and wool.
And, pushing an emergency brake,
I see: five or six
Tatar houselets under me.
Rat-tat-tat. Rat-tat-tat.

Nothing.
Scarlet mist.

Thick felt and lard.
Angel and wool.
Maria and animal fat.

I am a burning cloth
But this is not all —
thus thinks Beuys
falling into Crimea.

Translated by T. Bonch-Osmolovskaya

I invest into sorrow,
he sublimates anxiety,
she laughs and says:
I swear,
I feel pity for you.

Translated by T. Bonch-Osmolovskaya

Отрада

«Я обещала не обманывать
И проскользнула утром рано
В осенний сад. А там — охрана:
Давай мне за спину заламывать
Худые руки:
Эти суки...»

Ее трясет и слезы капают
Как воск на сброшенное платье,
И, заключив ее в объятия,
Я слушаю ее и лапаю
Своей шершавой в цыпках лапою.

А в это время из парадного,
Как будто управдом подвыпивший,
Выходит муж. Он из Отрадного
Вернулся, паспорт позабывши.

вернулся паспорт позабывший
муж из далёкого отрадного.

Otrada (Joy)

My Joy lives in a high tower and
nobody can get there
(Russian romance)

When you fall into my arms
(Boris Pasternak)

A candle on a nightstand shed wax tears
Upon a dress
(Boris Pasternak)

«I promised not to cheat
And slipped in early morning
Into an autumn garden. But there were guards there:
Began to twist my skinny arms
Behind my back:
These bitches...»

She is trembling, and tears are falling
Like wax upon a thrown away dress,
And, taking her into my arms,
I'm listening to her words and paw her
With my horny and
pimpled paw.

And then out of the front door
As a drunk house manager,
Her husband is coming. From Otradnoe he
Returned, having forgotten his passport.

having forgotten the passport came back
the husband from the far away otradnoe

Translated by T. Bonch-Osmolovskaya

Разговор, подслушанный в маршрутном такси №26

«Кроликовали сердце пустотой».
«Отворобьили идеалы».
«Исчеловечили, — говорит, — Бога.»
— Да ну его. Бубнил, как пономарь.
Тварь.Туда и дорога.

В недра

Хорош ронять слова
как сад янтарь и цедру,
твой ход!
— Конь Е2!
— Хм... итииить ты в недра...

* * *

Дед Пихто
и дядь Сосна
сто суток без сна
слоняются по стране
которая как во сне

Конь в пальто
на нем Чебурашка
несутся вскачь
слышат ветра плач
в стране Рашка.

Вслед по небу летят
Конь-Ворон
Конь-Бляд

Talk overheard in a minibus route 26

«They rabbited their hearts with emptiness».
«They have sparrowed the ideals».
«They humaned, — he says, — God».
— To hell with him! He muttered in a droning.
Bitch. It's no great loss.

To the subsoil

Enough of wasting words
like a garden drops amber and citron,
your move!
— Knight to e2!
— Hum!... bagger you to subsoil...

Old Pichto
and uncle Sosna
wander by the country
for hundred days without sleep
the country is like in a dream

A horse in a topcoat
Cheburashka on him
are galloping at full speed
hearing the wind weeping
in the Rashka country

Following them in the sky are flying
Horse-Raven
Horse-Bloody

Translated by T. Bonch-Osmolovskaya

ИГОРЬ СИД

Новые сведения о [Калимантане]

Архетипный остров подзорных снов,
чем ты видел тело моей души?

Ты с листа древесный читал покров
и тенёта вешал в штабной глуши,

мой летуч голландец, кишечен зонд
и на сутки слеп как доска радар.

Я слежу в слезах, как сквозь горизонт
прорастает остров [Калимантан].

Баобабы вышли гурьбой на склон,
а лемуров праведных строг оскал.

И колышет яйцами птица-слон,
надвигая сон про [Калимантан].

Нет, не надо было ходить слоном.
Весь в предчувствиях я покидал Дакар.

Здесь не óтов мира, ни крик о нём.
Это просто остров [Калимантан].

Здесь ушёл под воду град китеж курск,
а спасённым кабельтов плыть до скал.

По размокшей мапе рассчитан курс,
то-то вновь по курсу — [Калимантан].

Не фонтан гарпун метать по китам,
краше склянки бить! На шестой удар
будет ужин. И всё-таки не фонтан
склянки тоже!.. Ведь всё же — [Калимантан]...

Может, Либкнехт у Цеткин украл коралл?
[Хрен] буржуям! — подбрился под Маркса Карл.

Или Ра невинность у Ры украл?
И — тикать. Видать, на [Калимантан].

Мне грозили залпом ракет «Икар»
и радаром, вымершим как доска.

Только сердца глух, как тоска, удар:
в перископе снова [Калимантан].

Igor Sid

New Information on [KALIMANTAN]

An archetypal island of spyglass dreams,
with what did you see the body of my soul?
You sight-read the leaves of the wooden shroud
and hung your nets in the headquarters' backwoods,
my Dutchman is flying, my probe is enteroscopic
and the radar turns blind like a wooden board around the clock
I watch in tears how through the horizon
sprouts the island of [Kalimantan].

Baobabs come to the slope like a flock
and the grins of the righteous lemurs are stern.
And the elephant-bird waves its eggs,
drawing nearer a dream of [Kalimantan].

No, I should not have moved the alfil
Full of premonitions, I was leaving Dakar.
It is neither the world's carcass, nor a cry for it.
It is simply the island of [Kalimantan].

The Atlantis-Kursk-city sank exactly here,
and a cable's length for the survivors to the rocky shore.
The route is planned on a soaked map,
that's why once again at sign is [Kalimantan].

It ain't not fun to harpoon the whales,
striking bells would be better! On the sixth strike,
there would be dinner time. And yet, striking bells
ain't much fun, either!.. And yet again — [Kalimantan]...

Maybe, it was Liebknecht who stole corals from Zetkin?
[Nuts] to the bourgeoisie! — Karl had shaven a la Marx.
Or Ra stole virginity from Rea
And — bolted away. They say — to [Kalimantan].

They threatened me with a volley of Icarus rockets
and with the radar extinct like a wooden board.
But the heartbeat is muffled like longing:
and again, in the periscope [Kalimantan].

...Массаракш, коммандос, мудац, достал
прорасть армадой на Арканар,
как Херакл столпами на Гибралтар!!
Здесь, прогрессор, вам не [Калимантан].

Я вдохнул над Навной свой кислород, —
мельтешил за плёнкой Шаданакар, —
и слежу в прострации, как встаёт
над Землёй эгрегор, с [Калимантан].

Skogarmadr, Аляска и Магадан,
Уэльбек Мишель*, нет, Уайльд, Оскáр, —
в маскарале гадском он угадал
золотую рифму: [Калимантан].

Могадишо, Ржакса и Краснодар,
ваша взятка, да я расплескал нектар...
Как шагренёв, кукожится твой гектар —
золотой, медовый [Калимантан].

Мошкара, мальгашка и Марсоград.
В белых пятнах кожица под загар.
Махафали племя, йа отшин ратт
пофитатт фобтшию [Калимантан].

Я лежу под маской, и кислород —
от Большой Земли** безучастный дар.
Но я видел родину, чей народ
называет землю: [Калимантан].

2001-2006

** Французский писатель Мишель Уэльбек родился на острове Рею-
ньон близ [Калимантана].*

*** Тани-Бе («Большая Земля») — так называют свою родину жите-
ли острова [Калимантан].*

...Massaraksh, commandos, you moron, sick of your
sprouting your armada towards Arkanar,
like Hercules his pillars towards Gibraltar!!
Here, progressor, you know, is not [Kalimantan].

Over Navna, I breathed in my oxygen;
behind the film, there was flickering Shadanakar;
and, prostrated, I watch how there is rising
upon the Earth an Egregore of size of [Kalimantan].

Skogarmadr, Alaska and Magadan,
Houellebecq, Michel*, no, wait, Wilde, Oscar —
in a foul masquerade, he discerned
a golden rhyme: [Kalimantan].

Mogadishu, Rzhaksa, and Krasnodar,
it's your trick; but I spilled over the nectar...
Your hectare is shrinking like chagrin —
made of gold and honey [Kalimantan].

Midges, a Malagasy woman, and the City of Mars.
White spots on the skin next to the tan.
The Mahafaly tribe, I am fery glatt
to zee wiz my own eyez [Kalimantan].

I am lying under the mask, and the oxygen
is an apathetic gift from the Mainland**.
But I have seen a motherland whose people
call their earth: [Kalimantan].

Translated by V. Vlaskine

2001-2006

* A French writer Michel Houellebecq was born on the Reunion Island
near [Kalimantan].

** Tanibe («Mainland») is the name used for their motherland by the
inhabitants of the island [Kalimantan].

Н.Г.

Что-то дамоклово в воздухе слева,
текел на стенах и смута в душе.
Верьте, товарищи: черное дело
будет вестись и ведется уже.

— Дальше не нужно про мертвые души,
дома об этом. А лучше смотри:
хна распускается. То, что снаружи,
великолепней всего, что внутри.

Необозримы рога над трясиной,
дом дяди Сэчмо и черный фагот —
эта двусмыслица неотразима
для живописца подземных высот.

Люди, спасенные дедом Маклаем,
стадо в грязи или прайд облаков:
Север — каков он? они это знают,
но никому не расскажут, каков.

Что там летит исполинскою грушей?
Чья это хижина с камнем в двери?
Внутрь опускается все, что снаружи.
Это глубинней того, что внутри.

Чья на стволах потаенная тяжесть?
Кто путешествует к синей звезде?
Вам обо всем молчаливо расскажут
предки коров в конопляной воде.

1991 о. Мадагаскар

N.G.

Something of Damocles on the left in the air,
Tekel on the walls and discord in the heart.
Trust me, comrades: a black deed
will be done and already has been.

— Further: stop talking about dead souls;
let's get back to it at home. Better look:
henna is budding. What is outside
is more magnificent than anything inside.

The horns over the quagmire are boundless,
Uncle Satchmo's house and a black bassoon —
this double-meaning is irresistible
for an artist of underground heights.

People saved by the old Maclay,
a flock in the mud or the clouds' parade:
North: what is it? They know,
but would not tell anyone what it is.

What is flying there like a giant pear?
Whose cabin is there with a stone in the doorway?
Everything that's outside sinks inside.
It is more profound than the inner.

Whose is the concealed heaviness on the trunks?
Who travels to the blue star?
You will be silently told about everything
by the cows' ancestors in the hemp water.

Translated by V. Vlaskine

1991 Madagascar

Море космонавтов

Найденные в Антарктиде
метеориты старше Земли.

От моря Содружества до моря Космонавтов
вдоль изломанного по божественной прихоти
невидимого отсюда берега Антарктиды
ареал моей амбициозной юности

Под ледовыми стадионами
кости псевдозухий анкилозавров
зелень папоротниковых джунглей
выцветшая за четверть миллиарда лет

Холодало и ящеры вымерли
из-за утолщения скорлупы
в один прекрасный день детёнышам
проклюнуться не хватило сил

Антарктида плывёт в Антарктическом океане
как надтреснутое наконец-то
белоснежное яйцо
окружённое скорлупками айсбергов
и невесомыми стайками душ
маленьких непроснувшихся
анкилозавров и псевдозухий

Я бегал верхней палубой по утрам
полярного дня
двести пятьдесят миллионов лет после ящеров
девять лет до антарктического доллара

Зюйд-вест обжёг мне щёку как мочало
взметнув мой вопль на северо-восток
сочинял я между заборами проб
антарктического криля

Sea of Cosmonauts

Some meteorites discovered in
Antarctica are older than Earth

From the Collaboration Sea to the Sea of Cosmonauts
along the Antarctica coast
broken by God's whim and invisible from here
this is the areal of my ambitious youth

Underneath the ice stadiums
bones of Pseudosuchias and Ankylosaurus
greenery of ferny jungles
faded by the quarter of billion years

It was getting colder and reptiles died out
because of shell thickening
one fine day their young ones
didn't have the strength to break through it

Antarctica sails in the Antarctic Ocean
like a snow-white egg
finally cracked
surrounded by icebergs' shells
and by weightless flocks of the souls
of little Ankylosaurus and Pseudosuchias
who had never waken up

I ran around on the upper desk in the mornings
of a polar day
two hundred million years after the reptiles
nine years before the Antarctic dollar

Southwester burnt my cheek like a bast
raising up my yell towards North-East
I wrote poetry while collecting samples of
of Antarctic krill

Антарктический полуостров Антарктиды
выдающийся в Антарктический океан
свидетельствует о тавтологии сущего
а также об изначальном первенстве
имени над пространством
вдохновенный картограф
с дочерью пингвина накоротке

В какой-то там айсберг вмёрзшее пианино
писал кто-то великий на Севере
на Юге айсберги идут порожняком
зато здесь они вчетверо выше

Целый месяц после захода Солнца
последний луч освещает эскадру
иссиня-жёлтых флюоресцирующих гигантов
под антрацитовым беззвёздным небом
работать совершенно невозможно

Я подвинулся бы рассудком от восторга
но баланс визуальных потрясений
восполнялся жалким дальтонизмом
южного северного сияния
выцветшего за миллионы лет

Монохромная радуга обесцвеченные кораллы
компенсация чего-то уже совсем невообразимого
размышлял я над замером гонад
серой нототении

Ледяная щука сквозь бледное брюшко
различим белёсый позвоночник
внутренности вообще хрустальны
хотелось произносить Ихтиос

Антарктический полуостров Антарктиды
тянет щупальце к Огненной земле
согревая отдельные присоски
это не мшаник это луговик антарктический
героически цветёт
на гололёд невзирая

The Antarctic Peninsula of Antarctica
protruding into the Antarctic Ocean
is an evidence of tautology of being
as well as of the primordial priority
of name over space
a cartographer full of inspiration
pals with a penguin's daughter

A piano is ice-bound into an iceberg
as someone great has written in the North
in the South icebergs are running without freight
but on the other hand, they are four times higher here

For a whole month after the sunset
the last ray lights up a squadron
of the jet-black yellow fluorescent giants
under anthracite starless sky
it is absolutely impossible to work

I would have gone mad with delight
but the balance of visual nervous shocks
was made up for by miserable colourblindness
of the South northern lights
faded by millions of years

Monochrome rainbow decolourized corrals
are the compensation for something completely unimaginable
so I meditated over the samples of gonads
of grey notothenias

Ice-ling with a pallid belly
whitish spine is seen through
all intestines are crystal-clear
I wanted to say Ichthus

The Antarctic peninsula of Antarctica
draws its tentacle to Tierra del Fuego
warming some cupules
this is not moss this is Deschampsia Antarctica
it blossoms heroically
despite glazed frost

От моря Содружества до моря Космонавтов
меньше недели ходу
от моря Космонавтов до болот Меотийских
четверть века

Просто картографу было холодно
за Полярным кругом припоминаешь
специальную теорию относительности
перепутав пространство со временем

Кругосветка
проекция жизненного цикла на глобус
прообраз орбитального полёта
к середине пути тебя
разворачивает кверху ногами

Антарктида
проекция Космоса в плоскость
возвещает уже на подходе
кольцо ледяных астероидов
безбрежный хоровод со скоростью планктона

Звездолёты заражённые нечистью
сквозь озоновую дыру спускаются
один за другим
раз в четыреста тысяч лет
прямоком к анкилозаврам и псевдозухиям

From the Collaboration Sea to the Sea of Cosmonauts
it is less than a week journey
from the Sea of Cosmonauts to the Moeotis swamps
a quarter of century

Cartographer was merely cold
beyond the Polar circle you
mix up space with time and recall
the special theory of relativity

A tour around the world
A projection of the vital circle onto the globe
a prototype of an orbital flight
halfway through it you
are turned upside down

Antarctica
A projection of the outer space onto a plane
announces that
a ring of glacial asteroids is on its wayimmense round dance at
the speed of plankton

Space ships infected with evils
come down one by one
once in four hundred thousand years
through the ozone hole
straight to Ankylosaurus and Pseudosuchias

Translated by T. Bonch-Osmolovskaya

АЛЕКСАНДР ШИШКИН

* * *

Личная жизнь героя.
Не интересует никого.
Свесившись с перил балкона,
Чувствовать страх невыносимо легко.

Кошка с любопытством смотрит на ноги.
Солнце в тени — зеркало со спины.
Как ни хотелось, так и не хочется платить налоги,
Видеть сны.

С каждым днем счастья все больше.
Только паузы между звуками
Держит импровизатор пороши,
Но к тишине научилось прислушиваться ухо.

Личная жизнь избегает
Героя, сидящего на перилах.
Загорелая женщина нагая
Спит, сбросив на пол покрывало.

* * *

Ну, что тебе надо? Не видно ни зги.
Уже никогда не прочистит мозги —
Ни чтение, ни бег, ни текила.
О чем ты меня попросила?
Я чищу не печень, а с параличом
воли борюсь, как царизм с Ильичом,
Но кто победил всем известно.
В постели погрей мое место.
И я приползу к тебе век вековать.
Мы вместе купили в Икее кровать.

ALEXANDER SHISHKIN

* * *

The hero's private life.
Is of interest to nobody.
Leaning over balcony railings,
It's unbearably easy to be afraid.

A cat is looking curiously at the feet.
Sun in shade — mirror from the back.
Much as you didn't want, you still don't want to pay taxes,
To have dreams.

Every day happiness is growing
Although the improviser of snow
Makes longer pauses between sounds,
The ear has learnt to listen to the silence.

Private life avoids
The hero who sits on the railings.
A tanned nude woman is sleeping
Having thrown the coverlet on the floor.

* * *

So, what do you want? Can't see a thing.
By now nothing can clear up your mind
Neither reading, nor running, nor tequila,
What was it that you asked me for?
I do not cleanse my liver but struggle with the paralysis
of willpower like tsarizm struggled with Ilyich,
But everyone knows who was the winner.
Warm up my side of a bed for me.
And I will crawl to you to pass a lifetime.
We have bought a bed in IKEA together.

Translated by T. Bonch-Osmolovskaya

* * *

Как строка без рифмы лежит на столе селедка
В голубом фаянсе простой тарелки —
Память держит вкус, точно Персей Медузу.
Что за грозы пронеслись над страной, где воздух
Обжигает вбит озоном в зеленые
Из брезентовой выделки подушки
Кислородные, привозимые деду раз за разом?
Где цветы, что летят по взгляду утреннему
Из засады сада, что склоняется, как инвалид
На подпорках, под тяжестью яблок?
Как проснуться и не увидеть солнце, скрытое
Изморозью стекол, точно хирургическая палата?
Каменеет память известняковой мягкой плотью
Монументальной пропаганды, разрушаемой ветром,
Осыпается соляной въедливой пылью,
Но смотрит, смотрит и не может оторвать взгляда
От убитого времени в зрачках Медузы.

A herring on a plain blue china plate
Sits on the table like a line devoid of rhymes,
and memory clings to taste like Perseus to Medusa.
What were those storms that raged above the country,
Whose scorching air's been pounded into bags
Carved out of rough green canvas; oxygen
Bags given to my granddad, one after another?
Where are those flowers fleeting along the morning gaze
From ambush of the garden that leans on crutches
under the heavy burden of apples, poor disabled soul?
How can I wake up and fail to see the sun that's hidden,
like an intensive care ward, behind a frosted glass?
Memory's softish flesh is turning into limestone
of monumental propaganda eroded by winds;
It is crumbling into salty stinging dust,
and yet it's looking, looking, unable to take its eyes off
time murdered in the pupils of Medusa's eyes.

Translated by Elena Ostrovskaya

* * *

Пепел лежит застывшей пенкой.
Терпко пахнет йодистый берег.
Не построить логистику
Ветра над морем,
Корня, вымытого волной прибоя,
Елей штормовые прически.

На теле причала наколот якорь,
Баядерка, баклан, барка,
Не отбивают банки, но брякает
Что-то в воздухе и продолжает биться.

Локоть выставил мыс,
Как на веревке рубаха,
На ветру раскинула крылья птица,
Опровергая свой смысл,
Оставаясь на месте, как fuga Баха,
Приковавшая слушателя в кресле.

Все на месте — ветер, птица, берег,
Нотный знак и колоратура древесного
Скрипа, затрапезный городок, с признаками геморроя,
По ступеням спускающийся к морю
Побродить вдоль прибоя
По променаду, чтоб приликала кровь к заду.

И единственная пейзажка — русалка —
Заласканная до медного блеска,
Приобретает силу гротеска
Сырной головою и грудью доярки.
Снова якорь, баядерка, барка
И баркас на берегу с сидящим на борту бакланом —
Все на месте — и все так странно.

* * *

Ashes is like a frozen milk skin.
An iodine seashore smells tart.
One cannot create logistics
Of the wind over the ocean,
Of a root hollowed out by a wave of tide,
Storm haircuts of fir trees.

An anchor is tattooed to the body of moorage,
A bayadère, a cormorant, a barque,
They don't strike the bells, but something
Is clanging in the air, and still clanging.

A cape put out elbow.
Like a shirt on the cloth line,
Bird spread wings in the breeze,
Disproving her own meaning,
Staying there like Bach's fugue,
Which chained listener to a chair.

Everything is in its place: the wind, the bird, the seashore,
A musical note and coloratura of wooden
Squeak, an unkempt town, with the signs of haemorrhoids,
Is descending to the sea by footsteps,
To wander along the surf seaside
By a promenade, so that blood would come to the bottom.

And the only peasant girl — a mermaid —
Smothered in caresses to cooper glitter,
Takes on a significance of grotesque
By her cheese loaf and breast of a dairymaid.
Once more — the anchor, the bayadère, the barque
And a boat on the shore with a cormorant on the side —
Everything is in its place — and it's all so strange.

Translated by T. Bonch-Osmolovskaya

* * *

Надо осмыслить, как эта карта, фишка, планида легла:
В крови купаться на русско-китайской границе,
Ехать 5 тыщ километров московской пропиской кичиться,
Чтоб оказаться средь пьяного в сопках угла?

Утром ванна, вечером ванна —
Пантокринная осиянна
Между зеленых грудей
Матери нашей природы,
Мне (только не матерей)
Скучно и одиноко,
не с кем поговорить —
Аборигены заняты, то дойкой коровы,
то гостя надо бы накормить.
Наконец-то сработала карма,
Выкинув меня из Москвы:
Здесь не старятся, а умирают сразу,
Не нужны накомарники,
И не сглазят, и не накаркают
Ни чиновники, ни представители челябинской братвы —
Все, как перед Господом, в бане равны.
Снег не растаял на сосцах у сопок,
Братва по разбитой дороге уехала добивать крузак,
Мало им экзотики вечных тусовок
и тренажерный зал?
Впрочем, этот маралий угол —
Усть-вечности, не усолье, не какие-то там амударьи, —
Здесь оживили два десятка мумий,
Это место по памяти рисовал Дали!
Здесь чурбаны вместо садовых стулей
И похожи на людей лишь деревенские куркули.
Я, вместо чая, пью красный корень,
Мой приятель вещал, что он поможет,
Если его накрепко привязать,
но — «По коням!» —
Хочется вместо этого все же кричать

* * *

Need to grasp the way the cards, the dice, and my fate panned out:
To bathe in blood on the Russian-Chinese border,
To move five thousand miles, boasting the Moscow residence permit,
All to end up in the drunken corner among these hills?

Morning ablution, evening ablution —
Pantocrin–enlightened hosanna
Between the green breasts
Of our Mother Nature.
I am (mothers aside)
Bored and lonely,
no one to talk to —
The natives are busy milking cows,
or tending guests.
It must have been Ksarma
That finally threw me out of Moscow:
Here one skips getting old and simply drops dead,
No need for mosquito nets,
And no one will jinx you,
Neither officials nor the Chelyabinsk gang fellows,
Everyone's equal in bare indignity before God.
Snow still hasn't melted on the hill's nipples,
The fellows have gone to kill off the Land Cruiser on potholes,
The exotics of eternal get-togethers
and the gym not cutting the mustard.
However, this red deer's corner,
Ust-eternity, is neither Usolye, nor some Amudarya.
Here two dozens mummies got resurrected,
And Dali himself painted this place from memory!
Here wooden stumps serve as garden chairs,
And only the filthy rich villagers look like people.
Instead of tea, I brew some red root,
My mate proclaimed it'd help,
if it is tightly bound,
And yet I want to yell
«Mount your steed!»

И помоложе
выглядеть никто еще не запрещал!
А днем обгложем кость из шурпы
И заляжем спать —
Через десять дней моим благовоным трупом
Можно будет окрестности освящать

And nobody has banned
The youthful looks just yet!
By day we'll gnaw a bone drawn out of hide,
and go to sleep.
And in ten days, my fragrant corpse will purify
the nearby hills.

Translated by E. Ostrovskaya

ТАТЬЯНА ЩЕРБИНА

* * *

Что воешь, трубка, как сирена,
не шепчешь мне на ушко сказок?
Выходит, что и вечность брэнна:
сошла с ума. ушла на базу.
А я в нее вложила годы
дизайнерства и модельерства,
искала новые подходы,
писала «хуй» на занавеске.
Я вечность прождала в подъезде,
в истерзновеньи телефонном,
она всегда была на месте,
своем заведомом, посконном.
И вот теперь прошло и это,
и свято место пусто, мглисто,
вся вечность — времени примета,
и hasta, стало быть, la vista.

Грипп

Добрые люди пришли,
накормили меня, больную,
но не поцеловали,
будто я тоже вирус.
Саша принес мне фрукты,
Андрей — можжевелевой водки,
Коля — платков носовых,
папа — вареной свеклы,
Галя — салат «Столичный»,
Влад — расфасованный сыр.
Внутри себя чувствую конкурс:
кто больше всех пожалел
гриппом сраженное тело?

TATIANA SCHERBINA

* * *

What's you're howling, siren-telephone,
why don't you whisper some fairytale in my ear?
So, even eternity passes:
went berserk, re-stocked.
But I invested in it years
of designer and model expertise,
looked for new approaches,
wrote «prick» on the drapes.
I spent an eternity in the doorway,
in telephonic angst,
It was always in place,
its undoubted homespun place.
And now even this has passed
and the sacred spot is empty, hazy,
the whole of eternity marks time —
hasta la vista.

Translation by Daniel Weissbort

Flu

All the nice people came round
to feed me, sick as I was,
but they gave me no kisses
like I was a virus myself.
Sasha brought me some fruit,
Andrei some juniper vodka,
Kolya brought packets of hankies,
my Dad brought boiled red beet.
Galya brought mayonnaise salad,
Vlad brought spreadable cheese.
Inside I sense competition:
who, of all, felt most compassion
for this body, racked by the flu?

Translated by Sasha Dugdale

О пределах

Цикады, мой Рамзес, поют цикады.
Цикуты мне, Сократ, отлей цикуты.
В ЦК, не обратишься ли в ЦК ты?
Нет, брат мой разум, я, душа, не буду.
Постройки, мой кумир, смотри, постройки.
Мы разве насекомые, чтоб в ульях
кидаться на незанятые койки
и тряпочки развешивать на стульях?
Открой ее, Колумб, отверзь скорее,
вести земную жизнь упрел потомок.
Куда податься бедному еврею,
куда направить этот наш обломок?
Приятель мой, мутант неотвердельный,
безумный мой собрат неукротимый!
У рвоты и поноса есть пределы,
и вот они. Да вот они, родимый.

* * *

Могла быть счастлива как бобик,
с хозяином на поводке,
могла протягивать: бесподобен
мир и подстилка в закутке.
Но в жизни так не получилось
и говоря уж все как есть,
я как Маруся отравилась,
девичью запятнала честь.
С тех пор я стала ядовита
и мудрой злобности полна.
Я проклиная тот напиток,
и пью до дна

About limits

The cicadas, the cicadas are singing, Rameses.
The hemlock, Socrates, pour me my just amount.
Let the others apply to their Central Committees.
No, my brother Reason, I'm the soul, and I can't.
The buildings, my idol! Look at the buildings!
Are we really insects, with our shrivelled wings
who throw down our bodies on the bunks of the hive
and drape our rags on the chairs they provide us with?
Discover her, Columbus, discover her anew.
Your descendants have grown tired of their own shadow.
What way lies open now to the stumbling Jew?
What road will tell that tired remnant where he must go?
My friend, my mutant, pliable, unstiffened,
my crazy colleague, it will come to an end.
There's a limit to vomiting and diarrhoea.
So here they are, have a good look. We've made it, my dear.

Translation by Derek Walcott

* * *

I could have been as happy as a dog
with my master on a leash,
I could have yapped: all's right with the world —
my bed is under the chimneypiece.
But it didn't happen to me like that —
I'll tell it as it really was,
like Marusya, I drank the poison,
my girlish reputation lost.
From then on I was poisonous
and full of wise gall.
I curse that very same drink
and drink it all.

Translated by Sasha Dugdale

* * *

Как может жизнь на столь протяжный срок
из сносной стать совсем невыносимой,
когда — ну всё не то, товарищ Бог,
погода, экология, мужчины.
И даже лай собак — не тех собак,
ласкавших слух бетховенно, шопенно,
трава в себя влекла любовный акт,
но то ж была трава — не листья сенны!
Мой Бог, ты как не мой, ты за хазар
что ль задним стал числом,
а не за наших,
которым — отвечаю за базар —
чем дальше в лес, тем волки воют чаще.

* * *

Где будущего коготки?
Царапины на улицах, как шпиди,
как стрелки, ход чертили.
Где манки,
что брали нас в пленительные скобки?
Неистовых увеселений бес
так радовал простым полешком в топке,
вселял охоту к перемене мест.
Вдруг — пауза, эндшпли, постпространства,
которые, как низкий потолок,
зависли. Если в состоянии транса
компьютеры впадают, коготок
каракули выводит, как кавычки.
В них мир, как в пробках уличных, зажат —
в контексте, в устоявшейся привычке
бежать назад.

* * *

Tell me, Comrade God, how can life, over this stretch,
go from tolerable to such a pain,
when everything is not as it should be,
weather, ecology, men.
And even the barking of dogs, it's not the same dogs
that beethovenly, chopinly tickled the hearing.
The grass egged on the act of love
but that was grass, not senna leaflets.
My God, it's like you're not mine, because
finally even you went over to the khazars
abandoned our side, for which —
and I'm speaking for the market place —
the deeper into the forest you go, the more the wolves howl.

Translation by Daniel Weissbort

* * *

Where's the future clawlets ?
Scratches on the street
pointing the way, like spires, arrows.
And the decoys
which captured us in parentheses?
The demon of wild entertainments
had such success with just a log in the fire,
making one want to keep changing places.
Suddenly, a pause, endspiel spire-ends, post-space,
suspended there like a low ceiling.
If the computers fall into a trance,
the claw will scribble things,
like inverted commas.
The world is pressed between them, traffic-wise,
in context, in the fixed habit
of running backwards.

Translation by Daniel Weissbort

* * *

Мне отключили горячую воду,
жидкость любви и словесный поток.
Мне бы пожаловаться народу,
но накинут платок на роток.
Так без живительной влаги и сохну,
с грязной посудой вдвоем.
Мхом порастаю, а может, и мохом,
может, и вовсе былъем.

* * *

Если надеть предмет по имени шуба,
будет даже зима поганая люба.
Выйдя в созвездье плюсов, минуя вычет,
не моргнув, когда минусы кличут, кличут,
мы тепло генерируем — так галактики
начинают сближаться. (В научной практике
все разбегаются в ужасе, прочь от взрыва,
от космической стужи, ее наплыва.)
Сочетаться теплом веселей, чем браком:
нету полости, где б заводиться шлакам,
ни наследства Адама — заболеванья
«хочешь счастья, а получаешь знанья».

* * *

They cut off my hot water,
love's juice, the verbal flow.
I'd like to complain to the nation,
but they'll shut me up, too, long before.
Without moisture, I'll dry out,
along with the dirty dishes and the washing.
I'll get mouldy, gather moss,
I may even graduate to long forgotten!

Translated by Daniel Weissbort

* * *

If you put on that thing called a fur coat
even the filthiest winter will be sweet.
Going out into a constellation of pluses, avoiding the drop,
not turning a hair at minuses' constant tug,
we generate heat — that's how the galaxies
come closer. (In scientific theory
everything flees in horror from the big bang,
from cosmic frost with its icy fingers.)
Creating heat is more fun than marriage contracting:
no cavities for the rubbish to collect in.
Nor Adam's legacy — that indisposition:
«You wanted happiness, but you'll get wisdom».

Translated by Sasha Dugdale

* * *

Диктатура ли, демократия,
хоть по выбору, хоть насильно —
результат все равно отрицательный,
если речь идет о России.

Если жизнь сикось-накось-выкуси,
набекрень, на бровях, на спуске,
всё погубило и цикл зациклился —
значит, ты — настоящий русский.

Здесь фонтан вместо чаш терпения,
нам последнюю каплю — вычли.
В точке взлета, паденья, кипения —
очи козочки, шеи бычьи.

* * *

Почему же вы все меня бросили, папа и мама,
почему вы меня, дед и бабушка, не защитите,
я устала от лжи, что вокруг меня вьется как дама
пик на каждом балу, под невиданным раньше покрывьем.
Я устала от боли, от трудностей, преодоления
всех пинков и плевков в суть мне данного слабого пола.
Я выносливей ишака, но до дрожи в коленях
не умею снести стрел амура кривого укола.
И опять уходя — от обиды, с гноящейся ранкой,
бормочу, не упрек, не молитву, а как в детском саде:
что ж вы бросили, папа и мама, меня как подранка,
где ж вы, бабушка, дед, чтоб меня по головке погладить!

* * *

Dictatorship, democracy,
voted in or seized the nation,
the result is still a mockery
where Russia rules the conversation.

If life's all half-arsed, get arsed,
pear-shaped, half baked, gone to pot,
everything lost, the wheel spinning fast —
you are a Russian, like as not.

We've a fountain, not a cup, of patience,
but they've taken back the dregs.
As the point of incidence, boiling, take-off,
you'll find goats'eyes and bulls'necks.

Translated by Sasha Dugdale

* * *

Why have you both left me, Dad. Mum?
Why don't you defend me, Grandad, Nan?
I'm tired of the lies winding around me like the Queen
of Spades at every ball, undercover and invisible until now.
I'm tired of the pain, hardship, overcoming
all the kicks and spits at the heart of my given weaker sex.
I'm more patient than a donkey, but down to knees trembling
I don't know how to bear the jab of Cupid's bent shaft.
And once more departing from the hurt, with festering wound
I mutter like at nursery, no reproach, nor a prayer:
Why have you dropped me, Mum and Dad, like wounded game,
where are you, Nanny, Grandad, to stroke me on the hair?

Translated by Sasha Dugdale

ТАТЬЯНА БОНЧ-ОСМОЛОВСКАЯ

абecedарий отчаяния

драгоценный огонь потух
скрылся с глаз голубиный цирк
ангельский смех и грех
грустные греки, грубые галлы
гнездо безучастных гадюк
ураган и гогот гагар

ежедневный облом
застарелый букет валерьяны
вечерний шепот в колючих кустах
проклятие текста
тревожный полет стрижей
жестокое счастье

взмах крепких крыльев
курлыканье над десятком морей
кривизна континентов
касание ласковых рук
кураяная слепота, кроличья спесь
и красота котов

пламенный поцелуй с зажмуренными глазами
волшебные лживые сны
в минуту меж лайкой и волком
на палубе белого лайнера
в шезлонге ласковых дней
плывущего по лабиринту ленивых ледовых нег

TATIANA BONCH-OSMOLOVSKAYA

abecedary of despair

precious blazes are dying
pigeon circus escaped
innocent laughter or cry
Philistines, Cretans, long way away
nests of lethargic snakes under foot
cyclone, and screeches of loons

daily indolence
bunch of dried valerians
nightly whisper in thorny bushes
the curse of text
troubled flight of sea terns
cruel good fortune

the waves of strong wings
over the dozen seas
curvature of the continents
touch of the gentle hands
waving good bye, moon blindness
promising to return

passionate kiss through shut eyes
magical lying dreams
in a moment between husky and wolf
on the deck of sea liner
in a chaise longue of the days
sailing by the labyrinth of the lazy ice bliss

острова малых встреч
окруженные океаном
постылого ожидания
Марко Поло, Колумба
хотя бы Васко да Гама
под полуденным трепетом волн

инструкция к обряду исцеления
утеряна. пациент становится лицом к жрецу
тот танцует, вызывая
темную птицу, повелительницу дождя
с восходом солнца цель достигнута
возможны авторские вариации

золотые рыбы плывут в Каспийское море
за закрытой заслонкой ржа съедает железо
лучше рисуй с натуры, бирюза льется на холст
дрозды уже улетели, грачи остаются
от осени до весны язык в полынье бессмыслиц
спасительной лжи, разрывов связок и связей, ты

опять различая тебя, взгляд
тянущийся за стекло, повторяющийся, отражения изо дня
в день, яд
говорящая копия
последняя капля
узнавая наконец

islands of small celebrations
surrounded by cold ocean
of dull waiting
of Marco Polo, Columbus
at least Vasco da Gama
by the midday trembling of waves

an instruction to the healing rite is lost. a patient
stands face to face with the blind priest
he capers, calling for
a dark bird, the lady of rain
a goal is achieved with the sunrise
light variations are possible

gold fishes swim through the salted waves
rust eats iron behind the closed valve
azure pours onto the canvas
blackbirds have flown until
the autumn. the language of iced river of nonsense
white lies for the convicts, breakage of bonds

again distinguishing you. a bizarre look
repeating over the glass, summarizing
each day, hazardous poison
vocalized copy
an unmelodious terzetto. a drop of eternal
life. recognized at last

Translated by T. Bonch-Osmolovskaya

Лабиринт взгляда

В

Х

О

Д

ЛУЧ отражается от плоскостей, падает в безвоздушный угол

ПРОСТРАНСТВА/О

вращается против часовой стрелки, подставляя другие

ГРАНИ

просвечивают насквозь, пропуская луч, задерживая,

незаметно утолщаются с одного

КРАЯ

разрастаются в призму, препарируя луч, разлагая его по видимому

СПЕКТР/У

горит радугой, от фиолетового с одного до красного с другого

КРАЯ/Я

движутся навстречу друг другу, отражаются, растворяются,

опасно сближая

ГРАНИ

звенят серебром, наполняют пением немое

ПРОСТРАНСТВО

вздыхает, возвращая зрению торопливый ЛУЧ

Я

В

И

Ж

У

Т

Е

Б

Я

!

Gaze/Maze

E
N
T
E

RAY reflects from the planes, falling into an airless corner of
SPACE

rotates counterclockwise, turning the other
FACETS

shine transparently, letting the ray through,
holding it, then thickening imperceptibly at one
EDGE

becomes a prism, breaking the ray, splitting it into visible
SPECTRUM

shines like a rainbow, from violet on one side to red on the other
EDGES

move towards each other, reflecting, dissolving,
drawing dangerously close

FACETS

tinkle, with silvery song filling the silent
SPACE

breathes, returning to sight the hasty RAY

S
E
E
Y
O
U
!

Translated by T. Bonch-Osmolovskaya

НАТАЛЬЯ КРОФТС

Переплетение миров

...А между тем всюду ревел прибой
И выносил песчинку за песчинкой
На побережье. Воздух был с горчинкой
От соли океанской — и от той,
Что выступала на горячей коже
Там, в комнате, в пыли, у нас с тобой...

А между тем вверху, на потолке,
Два существа сплелись в кровавой драме:
Металась муха в крохотном силке;
Нетерпеливо поводя ногами,
Паук ждал ужин в тёмном уголке
И к жирной мухе подходил кругами...

А между тем в романах, на столе,
Кого-то резво догонял Фандорин,
С соседом вновь Иван Иванович вздорил,
И рдел, как кровь, гранатовый браслет...

А между тем извечная река
Текла сквозь наши сомкнутые руки,
Через любовь и смерть, погони, муки,
Сквозь океан, шумевший здесь века, —
И паутинки блеск у потолка.

А между тем...

NATALIA CROFTS

The intertwining worlds

...And in the meantime, the surf was roaring
And bringing out one grain of sand after another
Upon the shore. The air was bitter
With the ocean salt — and from the salt
On our hot skin,
In that room, in the heat of passion.

And in the meantime, up above, on the ceiling
Two creatures were intertwined in a violent drama:
A fly was struggling in the tiny net;
Impatiently twitching his feet,
A spider was awaiting his dinner in a dark corner
And approaching the fly in circles...

And in the meantime, in the novels upon the table
A sprightly detective was chasing his mark,
Two neighbours were quarrelling again,
And the garnet bracelet glowed red, like blood...

And in the meantime, the eternal river
Was flowing through our intertwined arms,
Through love and death, through chases and anguishes,
Through the ocean, that roared here for centuries —
And through the shimmering of the cobweb near the ceiling...

And in the meantime...

Translated by N. Crofts

Ахейские затихли голоса.
А мы всё те же по своей основе,
И снова под луною — nihil novi:
Аптека. Ночь — и света полоса.

И будет спотыкаться почтальон —
Способствуя обману и обмену,
И снова уведут твою Елену.
Не за моря — в другой микрорайон.

И так же веселит Мадам Клико,
И ось трясут периоды исходов.
Меняются модели пароходов,
А до Итаки так же далеко.

И так же мы бредём по пустырям,
Ослепшие — до одури — Гомеры,
Всё те же темы, рифмы и размеры
Гоняя по неведомым морям...
Всё так же мы бредём по пустырям.

Achaean voices have fallen silent.
And yet we are still the same, in our core,
And again, there's nothing new under the sun:
The chemist's, the night, a streak of light... ¹

And the postman will be stumbling —
Enabling deception and exchange,
And again, some blighter will nick your Helen ²,
Not to a faraway land — just to another suburb.

«Madame Clicquot» can still cheer you up ³,
And the recurring times of exodus are shaking the earth.
The models of ships are changing —
But Ithaca is still as far away as it used to be⁴.

And we, insanely blind Homers,
Are still stumbling around the wastelands —
Chasing the same themes, rhymes and rhythms
Around the unknown seas...
And we are still stumbling in the wastelands

Translated by N. Crofts & A. Evans

¹ And you may die but then, returning,
You'll see again the same old night,
The icy canal waters running,
The street, the chemist's, the streetlight.
(*Alexander Blok, 1912*).

² «Greeks have nicked Helen»
(*Osip Mandelstam, 1931*).

³ «Eugene Onegin», Pushkin: the entire verse XLV of chapter 4 is
dedicated to champagne (1833).

⁴ «But the sails will not rush us to Ithaca —
In our age, to Ithaca you are conducted as a prisoner»
(*Alexander Galich, 1969*)

Херсонский помещик

Ты, как сфинкс, возле кухонной двери
Наблюдаешь, хитёр, не речист:
Платье в рубчик, да супчик, да рябчик...
Ты здесь — кравчий, и ловчий, и стряпчий,
И ловкач, и на лапу не чист.

А хозяйка талантами блещет,
И так вкусно трепещется лещик...
Ты всегда отобедать готов,
Плутоватый херсонский помещик —
Предводитель дворовых котов.

The Kherson nobleman

Like a sphinx by the kitchen door
You are watching, cunning and silent: Table cloth, boiling broth,
flying moths...

Here you are, a yeoman, a foreman, a doorman,
And a con man, nimble-pawed and light-clawed.

The mistress of the kitchen is dazzling with her talents
And the fish is flapping so temptingly...

You are always ready to have a snack,
The trickster Kherson nobleman —
The chief of the street cats.

Translated by N. Crofts

НОРА КРУК

Семейное дерево

Наоми занята поисками корней.
Почему сейчас? Она говорит:
Все изменилось. В новой России
не все пути ведут к братским
могилам.
Она пишет письма —
никого не находит на Украине —
пропали все.
В Белоруссии — никого.
А потом, после долгих поисков,
весточка из Челябинска:
Анна Ведрова.
Аня? Потерянная кузина?
Наоми объясняет — это ради детей:
я так и не расспросила маму,
а папа был скрытым... Он ведь
порвал со своей семьей,
когда женился на маме.
Но почему?
Дети полны любопытства —
Дед — польский шляхтич,
Бабушка из клана раввинов.
Наоми пишет и возрождает годы.
Память всплывает, как снег тополей,
как парашюты-зёрна огромных вязов...
Аня, помнишь их вкус?
Дачи за нашей рекой..., наша
любимая Зотовская заимка...
Сколько нас тогда было!
Отцы приезжали из города,
нагруженные фруктами...
Помнишь купальню для женщин?
Мальчишки ныряли под бревнами,
грузные мамы визжали... Мы были
худышки. Помнишь, однажды

NORA KROUK

Family Tree

Naomi is searching for roots.
Why now?
Things changes, she says.
In this new Russia, leads should not
all end in mass grave.
She writes her letters:
finds nobody in the Ukraine —
all gone.
In Belorussia — none.
Then, after much research,
a lead Cheliabinsk:
Anna Vedrova.
Anya? Her lost cousin?
It's for the kids, she says.
Never asked Mama myself,
Papa was secretive...
gave up his family when he married.
Why?
Children are curious:
Grandpa a Polish squire.
Grandma from a rabbinical clan.
Naomi writes and years surface:
memories float like the poplars' snow,
cluster like the green parachutes
of the elm seeds... Anya, remember
the taste? Dachas across the river...
Our families rented in Zotovskaya
Zaimka. Cosh, there were many of us
then... Fathers arrived from the city
laden with fruit. Remember the
Bath House for women? Boys diving
under the pillars, large mothers
squealing and scrawny girls...

Сунгари разлилась?
Лодки нас развозили по городу!
Потом была эпидемия, и нас застукали
во время холеры с черными от вишни губами...
Как ты живешь, Аня?
Какая была у тебя жизнь?
Когда умер твой папа?
Где он родился?
Я составляю семейное
древо. С кем из родных
у тебя сохранилась связь?
Где они живут?
Анин ответ подкосил Наоми.
Позже она мне его показала.
«Дорогая Наоми, твое письмо
было ударом грома. Я помню всё,
даже твой голос. Твоя мама пекла
замечательный штрудель. Те годы,
Наоми, были счастливейшими
в моей жизни. Я помню всё...
Это письмо ты должна обдумать.
Я овдовела и живу с дочкой.
Она хорошая девочка, но
настроена против евреев.
Понимаешь, после папиного ареста
мама поменяла нашу фамилию, чтоб
не потерять работу. Мы выдавали
себя за русских и теперь даже
дочка меня не подозревает...
Ном, я тебя расстраиваю,
я знаю это, сестренка, но если ты
все же захочешь переписываться,
пиши только на «До востребования».
Семейное дерево?
Мы жгли всё дерево
на отопление.
Это спасло нам жизнь.

Перевод Н. Крук

Remember the summer Soungary flooded?
Boats navigated the city centre...
A cholera epidemic and we were caught,
black mouthed, eating wild cherries...
How are you, Anya? What was your life?
When did your Father die? Where was
he born? I'm trying to trace the family
tree. Are you in touch with any of our
family? Where do they live?

Anya's reply kept Naomi shut in for days,
But in the end she showed me the letter:
'Dear Naomi, your letter was like
a bolt from heaven. Yes, I remember
a lot... Even your voice. Your Mama
baked a wonderful strudel... Those
years in Harbin were the happiest days
of my life.

Naomi, read this carefully.
I an a widow now and live with my
daughter. She is a good girl,
though prejudiced against Jews.
See, after Papa's arrest, Mamochka
changed our name. She'd never keep
her job if they knew. We passed
as Russian and now even my daughter
does not suspect me. Nom, I'm
upsetting you. I know, sister.
But, if you still want to correspond,
write only to Poste Restante.

PS A family tree?
We burnt all timber
for heating. It
saved our lives.

Сумерки

Отряхнула прошедший день
Еду через Карлотту — чудо!
В джикаранды вливается синь неба
Розовые деревья стерегут радостные дома
Дом ключ повернут
 и свет включен
 прохожу через комнаты
Старый сад сад цветет
 но в комнатах пусто
 Что покинуло их?
 Чья жизнь? Распускается вянет
 и пустота
Слезы льются
не хочу чтобы так было
но оркестр невидимка
цикад скрипачей
заполняет пространство
радостью жизни.
Приходи! Растворяйся в звучании дней
Живи!

Перевод Н. Крук

В моих стихах
весь смысл как на ладони
хотя ладонь моя
полна секретов
все эти линии
следы агоний
и ожиданий
роковых ответов.

Перевод Н. Крук

Nora Krouk. The Dusk

Shedding my day
driving through miracle of Carlotta street
its Jacarandas bluing
straight from the sky
and the pink trees
guarding the entries of happy homes.
Home turning the key
 switching on lights
 walking through rooms
Garden the garden blooms
 but the rooms are empty
 Did something flee?
 Life? It unfolds folds
 leaves a void...

I want to weep
 over it wrongless
But the invisible band
of cicada fiddlers fills the airs
with proclamation of joy —
Come! Melt into the sound
Live!

my poems' meaning
reads like open palms
although my palms
conceal an old disaster:
these secret lines
are chiseled by distress
and agonizing wait
for fatal answer.

ЕЛЕНА МИХАЙЛИК

* * *

Когда старый приятель вломился к Лазарю
И вытащил обратно на свет,
Это не критика чистого разума,
Не сбой в движенье планет,
Не предвестье последующих ламентаций
И оваций на тысячи лет —
просто он пришел повидаться,
А хозяйина дома нет.

И это достаточный повод для чуда,
Для скандала, для рваного полотна —
Сиротливая глиняная посуда,
Избыток невыпитого вина.
Порядок вещей гуляет снаружи
от Иерусалима до самой луны,
А в доме Марфа готовит ужин,
Потому что все голодны.

А то, что потом говорили мистики
О предтечах, символах и словах —
Предмет изучения медиевистики,
разруха, царящая в головах.
Не имеют цели и назначенья
Облака, сирень, перестук минут —
И те, кто привычно подвержен тленью,
иногда встают и идут.

ELENA MIKHAILIK

* * *

When an old mate broke into Lazarus' place
And dragged him back out into the light,
That was not the Critique of Pure Reason,
Not a glitch in the movement of the stars,
Not a portent of future lamentations
and ovations for millennia to come —
he just dropped in for a chat and found out
that the host was no longer home.

And that was reason enough for a miracle,
For a scandal, for linen sheets being torn —
Lonely clay crockery,
An oversupply of undrunk wine.
The order of things went for a walk outside,
From Jerusalem to the very moon,
And at home Martha is making supper
Because everyone wants to eat.

And all the things that mystics said later
About forerunners, symbols and words —
Are just subjects for medievalist studies,
And a mess and ruin within people's heads.
There's no purpose, no destiny, no destination
In the clouds, in lilac blooms, in the clip-clop of time,
And those who are customarily subject to decay
Now and then rise and go.

Translated by E. Mikhailik

* * *

Александр Андреич, товарищ Чацкий,
Нечувствительно попал в переплёт.
По его квартире — пустой, холостяцкой —
Бродит перепуганный кот,
Повторяет хозяйскую траекторию,
Вяло препирается с окрестной зимой,
Но из тех, кто раньше вышел в историю,
Ни один не вернулся домой.

Александр Андреич сидит в теплушке,
Поезд идёт в Уфу.
Придорожные ёлочные игрушки
Догорают в сыпном тифу.
Пулемёт над озером глотку рвёт,
И тот, кто ответственен за пейзаж,
Уже не помнит, кто здесь живёт
И кто кому персонаж.

Александр Андреич говорит односложно
И по картам выискивает тишину,
Вычисляя рубеж, на котором возможно
Закрепиться и остановить волну.
Он мог бы, наверное, иное значить,
Подчиниться горячечным ночным голосам.
Но автор убит, а город захвачен, —
И он теперь выбирает сам.

* * *

Aleksandr Andreevich, comrade Chatsky,
Imperceptively got himself into a bind.
There's a frightened cat wandering around
His empty bachelor rooms.
He tries to retrace his master's trajectory
And listlessly argues with the winter outside,
But of those who had gone out into history before
Not a single one made it home.

Aleksandr Andreevich is sitting in a heated freight car,
The train is going to Ufa.
The roadside Christmas-tree decorations
Are burning with typhus fever.
A machine-gun is barking across the lake
And he, who is responsible for this scape,
No longer remembers who lives here
And who is a character of whose.

Aleksandr Andreevich speaks in single syllables
And peruses the map for some silence to be found,
Trying to see a baseline where it will be possible
To dig in and stop the incoming wave.
He could have been something else entirely,
Surrendering to the nightly feverish voices,
But his author is dead and his city is taken,
And now it's him who is making the choice.

Translated by E. Mikhailik

Сидней Нолан

По рыжей и фиолетовой марсианской траве
Скачет местный грабитель с ящиком на голове,
И следит за его движением головой на восток
Деловитая птица, прочищающая водосток.
За углом плоского дома барашек луну жуёт,
Сено, солома, створоженный небосвод
На краю рабочего пригорода, засухи на краю,
Что вижу — о том пою.

Уиллс и Бёрк, эмаль, снаряжение, выходной,
Привокзальный верблюд, выездной сюжет.
Город Мельбурн остался у них за спиной,
На картине, там, где пространства нет.
А впереди растенья странны, сухие русла длинны,
И между рёбер светит ландшафт вместившей тебя страны.
Птица находит мёд и на землю льёт —
Что видит, о том поёт.

Жёлтый день, жара, приборя сухой раскат,
Не в песке, но в небе рыбацьи лодки висят,
И Тигр, и Евфрат лежат под одной плитой,
А над этой грядой, перед косою чертой
Те, кто пока бессмертен, пляются в аппарат,
Праздничный воздух пьют —
То видят, о чём поют.

Sydney Nolan

Across the red and violet Martian grass
a local robber is riding with a box on his head,
And his passage is watched — its head looking east —
By a businesslike bird cleaning up the drain.
Behind the corner of a flat house
A lamb is chewing a moon.
There's hay, there's straw and a clotted cream firmament
On the edge of a working-class suburb,
On the edge of a draught —
What I see is what I sing about.

Wills and Burke, an enamel, lots of gear, a holiday,
A station-house camel, an open-air piece.
The city of Melbourne remains behind,
On a painting, where there's no space left.
Out there, way ahead, the vegetation is strange
And dry riverbeds stretch away,
And between the ribs one could see the terrain
Of the country that took one in.
A bird finds honey and spills it on the ground —
What it sees is what it sings about.

A yellow-hot day, a dry roll of the surf.
It is not in the sand but in the sky that fishing hulls hang,
the Tiger and Euphrates lie under a single slab
and over that ridge, behind a slanted line
they, who are yet immortal, gawk at a camera,
drink the holiday air —
and see what's been sung about.

Translated by E. Mikhailik

ОГЛАВЛЕНИЕ

Николай Звягинцев	2
Виктор Коваль.....	10
Игорь Левшин	22
Игорь Сид.....	34
Александр Шишкин.....	46
Татьяна Щербина.....	56
Татьяна Бонч-Осмоловская.....	66
Наталья Крофтс	72
Нора Крук.....	78
Елена Михайлик	84

CONTENTS

Nikolay Zvyagintsev	3
Viktor Koval.....	11
Igor Levshin	23
Igor Sid	35
Alexander Shishkin	47
Tatiana Scherbina	57
Tatiana Bonch-Osmolovskaya.....	67
Natalia Crofts.....	73
Nora Krouk	79
Elena Mikhailik	85

